

С. А. Фомичев

ПУШКИНСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА

© Знак. Электронная версия книги. 2007

ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ф 76

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 05-04-16096

Фомичев С. А.

Ф 76 Пушкинская перспектива. — М.: Знак, 2007. —
536 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-9551-0180-2

В книгу вошли статьи, посвященные произведениям разных эпох русской литературы, — от средневековья до современности, в которых прослежено пушкинское начало. Особый раздел книги содержит анализ документальной пушкинской прозы, в которой были предвосхищены ныне актуальные художественные искания.

ББК 83.3

*В оформлении переплета использована картина
П. Борисова «Александр Пушкин»*

ISBN 5-9551-0180-2

© С. А. Фомичев, 2007
© Знак, 2007

Содержание

Предисловие	7
-------------------	---

I

Пушкин и древнерусская литература	15
Первая поэма Пушкина	52
Смеховой мир «Комедии о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве»	62
Сказка о догадливом мужике	89
Баллада Пушкина о рыцаре бедном	101
«Повесть о Петре и Февронии» Ермолая-Еразма и новая русская литература	113

II

«Так, басней правду заменя...»	137
«Душа, рожденная в раю...»	146
«Читателя найду в потомстве я»	159
Сценическая поэма А. С. Хомякова	167
Пушкинское у Гоголя. Гоголевское у Пушкина	187
«Наедине с тобою, брат...»	227
Избранный Даль	238

III

Рыцарь бедный в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»	271
Акын Пушкин	280
«Тебя, как первую любовь...»	291
Зощенковский Пушкин	301
Набоков – соавтор Пушкина	315
Два ведущих мотива в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»	333
По пушкинскому следу (о прозе В. Т. Шаламова)	353
Низвержение кумиров («Дар» В. Сирина и «Прогулки с Пушкиным» А. Терца)	388

IV

Проза Пушкина (начальный этап и перспектива эволюции)	401
Навстречу Радищеву	426
Грибоедовский эпизод в «Путешествии в Арзрум»	440
Анекдот о Вольтере	455
Документальная повесть Пушкина «Джон Теннер»	464
«Камчатка – страна печальная...»	483
Последнее произведение Пушкина	503
Указатель имен	523

Предисловие

В книге собраны статьи разных лет, тяготеющие к единой теме, ныне вынесенной в общее заглавие. «Любовь к Пушкину (непонятная для иностранцев), — замечала Л. Я. Гинзбург, — верный признак человека русской культуры. Любого другого русского писателя можно любить или не любить — это дело вкуса. Но Пушкин как явление для нас обязателен. Пушкин — стержень русской культуры. Выньте стержень — связи распадутся»¹. Прежде всего это связи — с культурным прошлым, которые во многом были восстановлены Пушкиным. «История русской культуры XVIII—XX столетий, — подчеркивал академик Д. С. Лихачев, — это по существу постоянный и очень интересный диалог русской современности с Древней Русью, диалог далеко не мирный. В ходе этого диалога культура Древней Руси как бы росла, становилась все значительнее и значительнее»².

«Немирным», творческим был и диалог Пушкина с его современниками. Намечая свой собственный путь, наиболее талантливые из них нередко вступали с ним в спор, который по-своему стимулировал художественные поиски и откровения.

Русская литература — и ее золотого, и серебряного веков — складывалась и развивалась постоянно под знаком Пушкина³. Речь здесь должна идти не просто о влиянии, а именно о пушкинском языке русской культуры, неисчер-

¹ Гинзбург Л. Человек за письменным столом. Л., 1989. С. 327.

² Лихачев Д. С. Прошлое — будущему: Статьи и очерки. Л., 1985. С. 158.

³ Краткую библиографию по этой теме см. в кн.: Фришман Л. Семинарий по Пушкину. Харьков, 1995.

паемое богатство которого развито в столь разностильных романах, как «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Петербург» Андрея Белого.

По-особому присутствует Пушкин в антиутопиях начала XX века. В новоязовском мире, изображенном в романе «Мы» Е. Замятина, память о Пушкине хранится, однако, в Древнем Доме: «С полочки на стене прямо в лицо мне приметно улыбалась курносовая асимметричная физиономия какого-то из древних поэтов (кажется, Пушкина)». А за Зеленой Стеной герой видит изображение «крылатого юноши», у которого «прозрачное тело, и там где должно быть сердце, — ослепительный, малиново тлеющий уголь. И опять: я понимаю этот уголь... или не то... чувствую его — так же, не слыша, чувствую каждое слово»⁴.

Трогательно комичен герой роман А. Платонова «Чевенгур» Степан Копенкин, но в его путеводном идеале откликается Sancta Rosa пушкинского «рыцаря бедного»:

— Роза! — уговаривал свою душу Копенкин и подозрительно оглядывал какой-нибудь голый куст: так же ли он тоскует по Розе. Если не так, Копенкин подправлял к нему коня и ссекал куст саблей: если Роза тебе не нужна, то для иного не существуй — нужнее Розы ничего нет.

В шапке Копенкина был зашит плакат с изображением Розы Люксембург. На плакате она нарисована красками так красиво, что любой женщине с ней не сравняться...⁵

Может быть, самой удивительной реминисценцией из Пушкина стал припев коммунистического гимна «Интернационал»: «Это будет последний / И решительный бой...»⁶.

⁴ Замятин Е. Избранные произведения. М., 1989. С. 564–565, 630.

⁵ Платонов А. Чевенгур. М., 1988. С. 121.

⁶ См.: Листов В. С. «Темный твой язык учу...» (в печати). После 1917 года уже пели: «Это есть наш последний / И решительный бой...».

В оригинале Э. Потье «решительного» нет⁷. Так написал в 1902 году русский поэт, член РСДРП А. Я. Коц, который и ранее в своих произведениях обращался к Пушкину, а в переложении французского стихотворения использовал формулу, дважды повторенную в «Сценах из рыцарских времен» — в диалоге алхимика, изобретателя пороха Бертольда Шварца и его кредитора Мартына:

Бертольд

⟨...⟩ Ты знаешь, что я обещался Пресвятой Богородице разделить мою тайну с тем, кто поможет мне при *последнем и решительном* моем опыте.

Мартын

Эх, отец Бертольд, охота тебе разоряться! Куда ж ты? — постой! Ну, так и быть. На этот раз дам тебе денег взаймы. Бог с тобою! Но смотри ж, сдержи свое слово. Пусть этот опыт будет *последним и решительным*» (VII, 218; курсив мой. — С. Ф.⁸).

В любви русских к Пушкину были и будут еще, конечно, свои провалы.

Уже многие, — писал В. Ходасевич (в 1921 г.!), — не слышат Пушкина, как мы его слышим, потому что от грохота последних шести лет стали они туговаты на ухо. Чувство Пушкина приходится им переводить на язык своих ощущений, притупленных раздирающими драмами кинематографа. Уже многие образы Пушкина меньше говорят им, нежели говорили нам, ибо неясно им виден мир, из которого почерпнуты эти образы, из соприкосновения с кото-

⁷ Ср.: «C'est la lutte finale: / Groupons-nous et demain, / L'Internationale / Sera le genre humain» (*Potier E. Chants révolutionnaires*. Paris, 1937. P. 23. Перевод: «Это последняя битва: / Объединимся, и завтра / Интернационал / Станет образом жизни человечества»).

⁸ Произведения Пушкина цитируются по Большому академическому изданию (1937—1949). Ссылки на автографы Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме, даются сокращенно — с подразумеваемым префиксом: Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, фонд 244, опись 1.

рым они родились. И тут снова — не отщепенцы, не вырожденки: это просто новые люди. Многие из них безусыми юношами, чуть ли не мальчиками, посланы были в окопы, повидали горы трупов, сами распоролы немало человеческих животов, нажгли городов, разворотили дорог, вытоптали полей — и вот вчера возвратились, разнося свою психическую заразу. Не они в этом виноваты — но все же до понимания Пушкина им надо еще долго расти. Между тем необходимость учиться и развиваться духовно ими осознается недостаточно — хотя в иных областях жизни, особенно в практических, они проявляют большую активность⁹.

Пушкин еще при жизни своей в полной мере испытал охлаждение читающей публики и критические разносы. Достаточно вспомнить хотя бы статью В. Г. Белинского «О русской повести и повестях Гоголя», где, расчищая пути гоголевскому направлению, критик утверждал:

Итак, Марлинский, Одоевский, Погодин, Полевой, Павлов, Гоголь — здесь полный круг истории русской повести. Да — полный, может быть, чересчур полный; но я говорил здесь о всех повестях, в каком бы то ни было отношении примечательных, а эта примечательность состоит не в одной художественности, но и во времени появления, и во влиянии, хорошем или дурном, на литературу, в большей или меньшей степени таланта, и, наконец, в самом характере и направлении. Поименованные мною авторы должны быть упомянуты в истории русской повести, по всем этим отношениям и суть истинные ее представители. О других, которых много, очень много, умалчиваю, ибо при всех своих достоинствах, они не касаются предмета моей статьи, и перехожу к г. Гоголю...¹⁰

⁹ *Ходасевич В. Ф.* Колеблемый треножник // А. С. Пушкин: Про et contra: Личность и творчество Александра Пушкина в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. Т. 1. СПб., 2000. С. 486.

¹⁰ *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1948. С. 123–124.

Ни «Повести Белкина», ни «Пиковая дама» в этом обзоре даже не упомянуты. И впоследствии Белинский, при всей своей проницательности, не заметил новаторства Пушкина в области прозы, напрямую использующей (или имитирующей) документ. Поиски Пушкина в этом направлении являются предвестьем художественных откровений Новейшего времени.

I

ПУШКИН И ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В пушкинское время многие важнейшие памятники древнерусской литературы оказались забытыми, да и собственно древнерусская литература в эстетическом сознании еще недостаточно отчетливо дифференцировалась с фольклором, лубочной литературой, историческими и юридическими памятниками, с различными явлениями быта (в частности, с церковной обрядностью).

Определенные шоры в восприятии древнерусской культуры накладывала и просветительская идеология. Здесь надо иметь в виду и характерную для просветительства недооценку Средневековья, а главное, то обстоятельство, что для передовой просветительской мысли в России начала XIX века наиболее актуальным стало прогрессивное размежевание старой и новой культур, с особой силой обозначенное реформами Петра I.

Однако литература Древней Руси была постоянно в поле зрения Пушкина уже потому, что многие его произведения посвящены русскому Средневековью: поэмы «Руслан и Людмила», «Мстислав», «Вадим», драмы «Борис Годунов» и «Русалка», стихотворения «Песни о Стеньке Разине», «Песнь о вещем Олеге», «Какая ночь! Мороз трескучий...», «Олегов щит», «Моя родословная».

Живое восприятие памятников древнерусской литературы прослеживается в самом языке Пушкина. Так, строки из «Воспоминаний в Царском Селе» (1814): «Ширяясь крылами, / Над ним сидит орел молодой» — это довольно распространенный в русской литературе поэтизм, Пушкиным, наверно, почерпнутый из Державина. Но по своему

происхождению этот фразеологизм восходит к «Слову о полку Игореве»¹.

«Строчка из послания “К Чаадаеву” 1818 г. (“Напишут наши имена”», — заметил В. В. Иванов, — представляет собою явно перифраз двух мест из “Повести временных лет”: “да испишють имена их” (907 г., договор Олега с греками); “да испишетъ имена ваша” (944 г.)»².

Заканчивая свой роман в стихах, Пушкин скажет:

... Блажен, кто праздник Жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина (<...> (VI, 190).

Метафора «праздник жизни», как давно замечено, — калька знаменитой строчки из «Оды IX» Н. Жильбера «au banquet de la vie»³, которую Пушкин употребил ранее в одном из лицейских посланий: «Мне кажется: на жизненном пиру / Один с тоской явлюсь я...»⁴. Однако позже на поэтическое использование этой метафоры лег ответ оды А. Шенье «Молодая узница»:

Au banquet de la vie à peine commencé
Un instant seulement mes lèvres ont pressé
La coupe en mes mains encor pleine.⁵

Отметим, однако, и еще одну текстовую параллель к онегинским строкам: «От сего житья добро изити, яко на пиру:

¹ *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980. С. 121.

² *Иванов В. В.* Откуда черпал образы Пушкин — футуролог и историк? // Новые безделки: Сб. ст. к 60-летию В. Э. Вацуро. М., 1995—1996. С. 415.

³ Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. М., 1989. С. 609.

⁴ *Пушкин А. С.* Лицейские стихотворения. 1813—1817. СПб., 1999. С. 286.

⁵ «На празднике жизни, едва начавшемся, всего на одно мгновение мои губы прижались к кубку, все еще полному в моих руках»